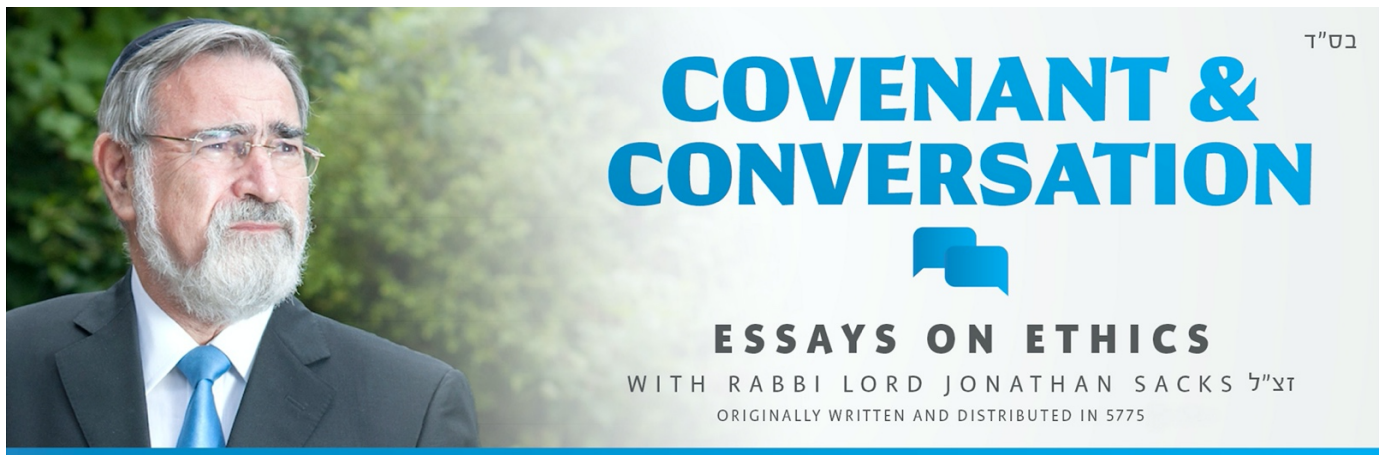

With thanks to **Wohl Legacy** for their generous sponsorship of *Covenant & Conversation*.
Maurice was a visionary philanthropist. Vivienne was a woman of the deepest humility.
Together, they were a unique partnership of dedication and grace, for whom living was giving.

Перевод с английского Светланы Силаковой

Одной любви недостаточно

(глава «Вайеце»)

Иудаизм — в высшей степени религия любви: трех видов любви. «Люби Г-спода, твоего Б-га, всем своим сердцем, всей душой, всеми силами» (Дварим, 6:5). «Люби ближнего, как самого себя» (Ваикра, 19:18). И — «любите же и вы переселенцев, ведь вы и сами были переселенцами в земле египетской» (Дварим, 10:19)¹.

Причем иудаизм не только религия любви. Это первая в истории цивилизация, которая поставила любовь в центре нравственной жизни. К. С. Льюис и другие отмечали, что во всех великих цивилизациях есть что-то вроде золотого правила: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой², или, как сформулировал, идя от противного, Гилель: что тебе ненавистно, того и ближнему не причиняй³. Специалисты по теории игр называют это взаимным альтруизмом, или «услугой за услугу». Некоторые его виды (особенно вариант, разработанный Мартином Новаком из Гарварда, — так называемый «великодушный») — это, как было доказано путем компьютерного моделирования, наилучшая стратегия выживания любой группы⁴.

Также иудаизм стремится к справедливости. Альберт Эйнштейн упоминал о «почти фанатичной любви к справедливости», поясняя, что именно поэтому благодарит свою счастливую звезду, что родился евреем⁵. Единственное место Торы, поясняющее, почему в качестве основателя новой веры был избран Авраам, гласит: «Я полюбил его, потому что он заповедует своим сынам и потомкам следовать путями Г-спода, творить добро и правосудие» (Берешит, 18:19). Но чем объясняется это сочетание — любовь и справедливость? Почему недостаточно одной любви?

Наша недельная глава содержит захватывающий, короткий — лишь несколько слов — фрагмент, отвечающий на эти вопросы.

¹ См. также: Ваикра 19:33–34.

² C. S. Lewis. *The Abolition of Man*. New York, 1947.

³ Шабат, 31а.

⁴ См.: Martin Nowak and Roger Highfield. *Super Cooperators: Altruism, Evolution and Mathematics (or, Why We Need Each Other to Succeed)*. Melbourne: Text, 2011.

⁵ Albert Einstein. *The World As I See It*. New York: Philosophical Library, 1949.

Вспомним предысторию. Яков, сбежав из дома, находит приют у своего дяди Лавана. Он влюбляется в Рахель, младшую дочь Лавана. Работает семь лет, чтобы получить ее в жены. Наступает первая брачная ночь, и Якова обманывают. Пробудившись на следующее утро, он обнаруживает, что женился на Лее, старшей сестре Рахели. Яков в гневе требует от Лавана объяснений. Лаван отвечает: «В наших краях не принято выдавать младшую [замуж] раньше, чем старшую». И говорит Якову, что тот сможет взять в жены и Рахель, в обмен на еще семь лет работы.

Затем мы читаем — точнее, слышим — череду пронзительных слов. Чтобы понять, как они на нас действуют, мы должны припомнить, что в старые времена, до изобретения книгопечатания, книг было мало. Пока не появились типографии, большинство людей (кроме тех, кто стоял на биме) *слышали* Тору в синагоге — а письменного ее текста в глаза не видели. Выражение «крят а-Тора» на самом деле означает не «чтение Торы», а «обнародование» Торы, превращение ее в публичное заявление⁶.

Чтение и восприятие на слух принципиально различаются в плане того, как наш мозг обрабатывает информацию. При чтении мы можем одновременно видеть текст целиком: все предложение, весь абзац. А при восприятии на слух этого не происходит. Мы слышим отдельные слова, одно за другим, и не знаем наперед, чем закончится предложение или абзац. В устной культуре некоторые мощнейшие эффекты, основанные на литературных приемах, наблюдаются, когда первые слова фразы побуждают нас ожидать одной концовки, а вместо нее мы обнаруживаем другую.

Вот слова, которые мы слышим: «И он (Яков) полюбил также Рахель»⁷ (Берешит, 29:30).

Этого мы и ожидали, на это мы и надеялись. Теперь у Якова две жены, они родные сестры: в позднейшем еврейском праве это окажется под запретом. Ситуация, чреватая напряженностью. Но у нас возникает первое впечатление, что все уладится. Яков любит обеих.

Эти ожидания разрушает следующее слово — «ми-Лея», «больше, чем Лею»⁸. Это не просто нечто неожиданное. Это также нечто невозможное с точки зрения грамматики. Вы никак не можете написать предложение: «Икс так же любил Игрека, больше, чем Зета». «Так же» и «больше, чем» противоречат друг другу. Вот один из редких и поражающих читателя случаев, когда в Торе намеренно используется ломаный синтаксис, чтобы указать: отношения дали трещину, это раскол между людьми⁹.

Затем звучит следующая фраза — и фраза шокирующая. «Увидел Г-сподь, что Лея ненавистна (Якову)»¹⁰. Муж ненавидел Лею? Нет. В предыдущем предложении нам только что сообщили, что он ее любил. Если так, что подразумевает Тора под словом «ненавистна»? Это значит, что Лея именно так ощущала свое положение. Да, муж любил ее, но меньше, чем ее сестру. Лея знала — знала все предыдущие семь лет, — что Яков страстно влюблен в ее младшую сестру Рахель. В Торе говорится, что он работал за нее семь лет, «но они показались ему считанными днями — так он любил ее».

Лея не была ненавистна — она была любима меньше, чем другая жена. Но тот, кто оказывается в такой ситуации, не может не чувствовать, что его отвергли. Тора принуждает нас услышать душевную боль Леи в именах, которые она дает своим детям. Своего первенца она нарекает Реувеном, заявив: «Увидел Г-сподь мои страдания! Теперь-то мой муж полюбит меня!» Второго она нарекает Шимоном, потому что «услышал Г-сподь, что я нелюбима». Третьего она нарекает Леви, говоря: «На этот-то раз мой муж прильнет ко мне» (Берешит, 29:32–35). В этих словах чувствуется неутраченная душевная мука.

⁶ У этого есть алахические последствия. Керят а-Тора, по мнению большинства ришоним, — это ховат а-цибур, обязанность общины, а не отдельного человека (в отличие от чтения Мегилы на Пурим).

⁷ В переводе с иврита Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «[Яков] вошел также и к Рахели». — *Примеч. перев.*

⁸ В переводе с иврита Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Рахель он полюбил больше, чем Лею...». — *Примеч. перев.*

⁹ Классический пример — непереводаемый стих в Берешит, 4:8, когда Каин убивает Авеля. Слова как бы «ломаются», это способ выразить, что в отношениях произошел раскол, влекущий за собой упадок нравственности и первое в истории убийство.

¹⁰ В переводе с иврита Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Увидел Г-сподь, что Лея нелюбима». — *Примеч. перев.*

Те же интонации мы слышим позднее, когда Реувен, первенец Леи, находит на поле мандрагоры. Считалось, что мандрагора действует как афродизиак, и Реувен отдает мандрагоры своей матери, надеясь, что это снадобье привлечет к ней его отца. Рахель, испытывающая душевную боль по другой причине, из-за бездетности, видит мандрагоры и просит их у Леи. А Лея говорит: «Мало тебе, что ты отняла у меня мужа? [Теперь] ты хочешь получить и мандрагоры моего сына?» (Берешит, 30:15). В этих словах звучит осязаемое страдание.

Рассмотрим внимательно, что произошло. Все началось с любви. С начала до конца всем правила любовь. Яков любил Рахель, влюбился в нее с первого взгляда. Другой подобной истории любви в Торе нет. Аврам и Сарай уже женаты, когда мы с ними знакомимся. Ицхаку выбрал жену отцовский слуга. Но Яков именно влюбляется. Он эмоциональнее, чем другие патриархи. В том-то и проблема. Любовь объединяет — но также и разобщает. Из-за любви те, кого не любят, и даже те, кого любят не так сильно, как других, чувствуют себя отвергнутыми, брошенными на произвол судьбы, одинокими. Вот почему вы не можете построить общество, общину или даже семью на одной лишь любви. Необходима справедливость.

Если мы рассмотрим, как употребляется в Торе слово «ахава» («любовь»), — а оно упоминается одиннадцать раз, — то сделаем поразительное открытие. Всякий раз, когда упоминается о любви, она порождает конфликт. Ицхак любил Эсава, но Ривка любила Якова. Яков любил Йосефа, первенца Рахели, больше, чем остальных своих сыновей. Это породило два самых роковых в еврейской истории случая соперничества братьев.

Но даже эти случаи кажутся относительно малозначимыми, если мы задумываемся о первом появлении слова «любовь» в Торе — в начале рассказа об испытании связыванием Ицхака: «Возьми своего сына, своего единственного, любимого...» (Берешит, 22:2). Раши, следуя за Мидрашем (а Мидраш вдохновлялся аналогией между связыванием Ицхака и книгой Иова), пишет: когда Авраам устроил пир в честь того, что его сын отнят от груди, Сатана, ангел-обвинитель, сказал Б-гу: «Вот видишь, он любит своего ребенка больше, чем Тебя»¹¹. Согласно Мидрашу, из-за этого и было устроено испытание, — чтобы доказать ложность обвинения, выдвинутого Сатаной.

Иудаизм — религия любви. Это имеет глубокие теологические причины. В мире мифов боги относились к человечеству в худшем случае враждебно, а в лучшем — безразлично. В современном атеизме жизнь и вселенная существуют совершенно беспричинно. Мы — случайные формы материи, порождение слепого везения и естественного отбора. Подход иудаизма к этому вопросу — самый изящный из всех, о которых мне известно. Мы находимся здесь, потому что нас сотворил, движимый любовью и прощением, Б-г, и Он просит нас любить и прощать других людей. Любовь, Б-жья любовь заложена в самом нашем бытии.

Эта любовь выражена во многих наших текстах: абзац, предшествующий «Шма», где говорится о «великой» и «вечной любви». Сама молитва «Шма» с ее заповедью любить. Священнические благословения — их должно давать с любовью. Шир а-ширим — Песнь песней, великая поэма о любви. «Леха доди» — «Выйди, мой Возлюбленный» — Шломо Алькабеца. «Йедид нефеш» — «Возлюбленный души» — Элизера Азикри. Если хочешь хорошо жить, люби. Если стремишься приблизиться к Б-гу — люби. Если хочешь, чтобы твой дом наполнился светом Б-жественного присутствия, люби. Именно в любви обитает Б-г.

Но одной любви недостаточно. На одной любви нельзя построить семью, а тем более общество. Для этого также понадобится справедливость. Любовь пристрастна, справедливость — беспристрастна. Любовь — дело частное, справедливость — всеобщее. Любовь испытываешь к какому-то конкретному человеку, а к другому не испытываешь — справедливость существует для всех.

¹¹ Раши, комментарий к Берешит, 22:1.

Эти противоречия между любовью и справедливостью дают начало многим элементам нравственной жизни. Не случайно это стало темой многих историй из Берешит. Берешит — книга о людях и их взаимоотношениях, а остальная часть Торы — преимущественно об обществе.

Справедливость без любви сурова. Любовь без справедливости несправедлива: так, по крайней мере, покажется человеку, которого любят меньше, чем другого. Но ощутить на себе любовь и справедливость одновременно — практически невозможно.

Нобелевский лауреат физик Нильс Бор заметил, обнаружив, что его сын украл какую-то вещь из соседнего магазина: он может взглянуть на сына с точки зрения судьи (справедливости в смысле правосудия) и с точки зрения отца (любви), но не с обеих точек зрения одновременно¹².

В сердце нравственной жизни лежит конфликт, у которого нет простых решений. Не существует никаких общих правил, которые подсказали бы нам, в каких случаях правильные ответные шаги должны руководствоваться любовью, а в каких — справедливостью.

В 1960-х «битлы» пели: «Любовь — это все, что вам нужно». И это было бы прекрасно, но жизнь устроена иначе. Давайте любить, но в то же время давайте никогда не забывать о тех, кто чувствует себя нелюбимыми. Они тоже люди, они не бесчувственные, они тоже сотворены по образу Б-га.

¹² Jerome S Bruner. Actual minds, possible worlds. Cambridge MA: Harvard University Press, 1986. P. 51.

www.RabbiSacks.org

[@RabbiSacks](https://www.instagram.com/RabbiSacks)

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved